



Преференциальные территории в технологическом и пространственном развитии России¹

Ольга А. РОМАНОВА¹⁾ , Гылья Ф. ГАЛИУЛЛИНА^{1, 2)} 

¹⁾ Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

²⁾ Набережночелнинский институт КФУ, г. Набережные Челны, Российская Федерация

Для цитирования: Романова, О. А., Галиуллина, Г. Ф. (2024). Преференциальные территории в технологическом и пространственном развитии России. *AlterEconomics*, 21(4), 658–676.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.2>

Аннотация. Современные геополитические и технологические тренды мирового экономического развития, крупномасштабные санкции против России трансформируют действующие подходы к созданию и функционированию отечественных Институтов развития. Особую роль среди них играет институт преференциальных территорий. Целью статьи является выявление системных недостатков действующего подхода к созданию преференциальных территорий и обоснование их новой роли как многоцелевого института в решении современных задач технологического и пространственного развития страны. В статье представлен обзор теорий кумулятивного роста, проанализированы отечественные и зарубежные инструменты формирования преференциальных территорий. Установлено, что действующий механизм создания и функционирования преференциальных территорий основан на теориях кумулятивного роста, но реализуется в российской действительности своеобразно и не в полной мере. Выявлено, что большинство преференциальных территорий решают текущие вопросы выживания регионов и муниципалитетов, а их целевые установки не взаимосвязаны со стратегическими целями развития страны. Показано, что из 939 российских действующих преференциальных территорий только 61 по своим целевым установкам, ориентированы на привлечение резидентов с высокотехнологическими производствами. Выявлено, что преференциальные территории являются приоритетным направлением государственной политики пространственного развития, но выполняют второстепенные функции в достижении стратегических целей страны. Обосновано, что в новой реальности, когда мировая и национальная экономические системы находятся в состоянии турбулентности, важно разрабатывать концепции развития преференциальных территорий с учетом факторов, вызванных неравновесностью и нелинейностью развития. Предложен новый институционально-синергетический подход к их развитию, учитывающий данные факторы и ориентированный на получение синергетического эффекта. Анализ существующих требований к инвестиционным проектам резидентов преференциальных территорий позволил установить, что в них не учтена приоритетность реализации принципов технологического развития Индустрии 4.0, Индустрии 5.0. Для решения выявленной проблемы разработаны предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере развития преференциальных территорий.

Ключевые слова: теории кумулятивного роста, пространственное развитие, технологическое развитие, преференциальные территории, резидент, технологический суверенитет, дерево проблем

Благодарность: Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ для ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2024–2026 гг., тема НИР «Методология оценки и прогнозирования социально-экономических эффектов трансформации промышленности индустриальных регионов в условиях формирования цифровых платформенных рынков и промышленных экосистем».

¹ © Романова О. А., Галиуллина Г. Ф. Текст. 2024.

RESEARCH ARTICLE

The New Role of Preferential Territories in the Technological and Spatial Development of Russia

Olga A. ROMANOVA¹⁾ , Gulia F. GALIULLINA^{1, 2)}  

¹⁾ Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

²⁾ Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

For citation: Romanova, O. A., & Galiullina, G. F. (2024). The New Role of Preferential Territories in the Technological and Spatial Development of Russia. *AlterEconomics*, 21(4), 658–676.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.2>

Abstract. Modern geopolitical and technological trends, along with large-scale sanctions against Russia, are reshaping current approaches to the creation and functioning of domestic development institutions. Among these, the institution of preferential territories plays a significant role. This article aims to identify the systemic shortcomings in the current approach to creating preferential territories and to justify their new role as a multi-purpose institution in addressing the modern challenges of technological and spatial development in the country. The article provides an overview of theories of cumulative growth and analyzes both national and international tools for the establishment of preferential territories. It shows that while the current mechanism for creating and operating preferential territories is based on cumulative growth theories, its implementation in Russia is unique and incomplete. The study reveals that most preferential territories focus on addressing immediate regional and municipal survival issues, while their goals are not aligned with the country's broader strategic development objectives. Out of the 939 operational preferential territories in Russia, only 61 focus on attracting residents with high-tech industries. While preferential territories are a priority in the state policy of spatial development, they play a secondary role in achieving the country's strategic goals. Given the current turbulence in both global and national economic systems, it is essential to develop concepts for preferential territory development that account for the factors of disequilibrium and nonlinearity in growth. The article proposes a new institutional-synergetic approach, focused on leveraging these factors to generate a synergetic effect. Additionally, an analysis of existing requirements for investment projects in preferential territories shows that they do not prioritize the principles of technological development of Industry 4.0 and 5.0. To tackle this issue, the article offers proposals to improve the regulatory framework for the development of preferential territories.

Keywords: cumulative growth theories, spatial development, technological development, preferential territories, resident, technological sovereignty, problem tree

Acknowledgments: This article was written as part of the state assignment from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, for 2024–2026, topic: “Methodology for assessing and forecasting the socio-economic effects of industrial transformation in industrial regions in the context of the formation of digital platform markets and industrial ecosystems”.

1. Введение

В настоящее время активно обсуждаются направления совершенствования стратегии пространственного развития России. Подчеркивается необходимость усиления ее социально-экономической составляющей и взаимосвязи с научно-технологической и промышленной политиками (Бухвальд, Валентик, 2024; Лаврикова, Суворова, 2022). В связи с этим вновь актуальны вопросы разработки новых содержательных подходов к формированию преференциальных территорий. Зачастую стратегические документы регионов были разработаны задолго до открытия преференциальных территорий. В законодательных актах до настоящего времени нет информации про целевые установки большинства типов преференциальных тер-

риторий, действующих в регионе. Особенно важно понимание роли преференциальных территорий в реализации региональной промышленной политики, включая потенциальные возможности этих территорий в достижении технологического суверенитета России. И в новой геополитической и технологической реальности ряд концептуальных положений требуют особого внимания:

- необходимо согласование миссии и стратегических целей преференциальной территории с целями более высокого порядка — региона и страны;
- требуется разработка параметров, которые очерчивают применение разнообразных моделей, механизмов, инструментов развития преференциальной территории;
- принятие государственных решений должно быть в соответствии с типом преференциальной территории с учетом возможностей опережающего развития каждой территории, получивший данный статус;
- разработка параметров преференциального режима должна проводиться с учетом потенциала социально-экономического развития самой территории и региона;
- необходим учет общественной значимости и возможности получения положительных синергетических эффектов при формировании преференциальных территорий.

2. Теоретические основы развития преференциальных территорий

Место и роль преференциальных территорий в области пространственного развития исследователи изучают, опираясь в основном на теории кумулятивного роста (табл. 1). Именно такой подход используется в зарубежных странах при реализации политики пространственного развития (Антипин и др., 2023). В рамках концепции «полюса роста» Ж. Будвиля «географическая агломерация активности» формируется путем объединения пространственного и отраслевого аспектов развития территории (Boudeville, 1992). Согласно теории П. Потье, «оси развития» невозможны без развития инфраструктуры, усиления транспортных потоков, распространения инноваций. Фактически статус российских преференциальных территорий распространен на часть географически удаленных периферийных территорий (например, территории опережающего развития, созданные в моногородах Абаза, Варгаши, Галич, Емба, Надвоицы, Онега, Тулун и др.), которые не имеют выстроенных насыщенных рыночных связей с центрами социально-экономической активности, что противоречит и теории Х.Р. Ласуэн (Lasuen, 1969). Реализация концепции полюсов роста в виде дальневосточных особых территорий оказалась неудачной из-за масштабности создаваемых территорий, слабости мер государственной поддержки, приоритетности фискальной функции государства и др. (Леонов, 2020).

В исследованиях Всемирного банка подчеркивается, что на удаленных территориях с низкой экономической плотностью решать проблемы развития необходимо путем проведения комплексной территориально нейтральной, территориально-связующей и территориально-адресной политик. Теоретические постулаты исследования состоят в том, что экономический рост по своей природе не может быть равномерно распределен в пространстве, что неминуемо ведет к территориальной дифференциации¹.

¹ Доклад о мировом развитии 2009: переосмысление экономической географии. World Bank Group. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/630651468337159625/world-development-report-2009-reshaping-economic-geography> (дата обращения: 07.10.2024).

Таблица 1

Основные теории кумулятивного роста

Table 1

Key Theories of Cumulative Growth

Теории кумулятивного роста	Основные положения
Модель Г. Мюрдаля	Полюса роста формируются на основе специализации территорий и эффекта масштаба. При этом ускоренное развитие полюсов роста приводит к увеличению неравномерности развития территорий
Теория «прямой и обратной связи» А. Хиршмана	Рост экономики в стране происходит неравномерно, уровни экономического развития территорий могут только сближаться, но не выравниваться. Рост отдельных территорий возможен при мобилизации потенциальных резервов в интересах развития
Концепция «полюсов роста» Ф. Перру	Важна роль государства, которое должно проводить политику гармонизированного роста, уменьшая неоднородность и неравномерность территориального развития, т. к. экономический рост не может происходить во всех регионах сразу. Введено понятие «экономическое пространство»
Концепция «полюсов роста» Ж. Р. Будвиля	Ядром развития всей экономики являются полюса роста, где сосредоточены производства пропульсивных (динамично развивающихся) отраслей. Выделяются три типа полюсов роста в зависимости от размера городов и их промышленной специализации. Введено понятие «экономический регион»
Теория осей развития П. Потье	Пространственный каркас развития отдельного большого региона или страны в целом формируют вместе с полюсами роста территории, обеспечивающие транспортную связь и получающие дополнительные импульсы роста за счет больших грузопотоков, развития соответствующей инфраструктуры и распространения инноваций
Теория «полюсов роста» Х. Р. Ласуэна	Проведена классификация полюсов роста: 1) основанные на развитии экспортоориентированных производств; 2) растущие на основе импульсов роста общенационального спроса, передающимся через экспортный сектор региона; 3) второстепенные отрасли и периферии, получающие импульс роста посредством рыночных связей
Модель совокупной причинной обусловленности Х. Ричардсона и П. Тонро	Выгоды от действия стихийных рыночных сил и государственных вложений получают регионы, которые изначально находятся в благоприятном положении, что усиливает неравенство в региональном развитии
Теория городской агломерации Х. Ричардсона	Точками роста выступают крупные городские поселения, концентрирующие на своей территории производственную деятельность
Теория «центр-периферия» Дж. Фридмана	Центром экономического роста могут выступать только города. Для формирования точек роста необходимо наличие большого числа локальных точек роста, из которых выделяется одно мощное ядро, которое существенно влияет на периферийные территории. На следующем этапе развития появляются еще несколько ядер роста, которые в дальнейшем сливаются и образуют урбанистическую структуру с мощной периферией

Окончание табл. 1 на след. стр.

Теории кумулятивного роста	Основные положения
Модель «диффузия нововведения» или «волна нововведений» Т. Хэгерстранда	Распространение нововведений от центра роста к периферии проходит четыре стадии: от начала диффузии, когда отмечается резкий контраст в развитии центром инноваций и периферий, до стадии насыщения, когда происходит общий, но медленный до максимума подъем экономического роста при существующих условиях
Модель «вулкан» Х. Гирша	Точка роста — крупная городская агломерация с высоким уровнем доходов населения, мощным промышленным комплексом, развитым научным сектором. Разрабатываемые на такой территории нововведения постепенно распространяются на периферию и повышают уровень жизни населения

Источник: сост. авторами на основе (Леонтьев, Новикова, 2020; Наумов и др., 2020; Суворова, 2019).

Государственное вмешательство в естественные миграционные процессы людей в крупные города и искусственная поддержка отстающих территорий в виде субсидий и государственной компенсации неблагоприятных условий признаны неэффективными. В современных условиях признается, что пространственная экономика должна ориентироваться на возможности развития для будущего, мобилизуя недостаточно использованный потенциал, а не выплачивая компенсацию за проблемы прошлого (Коломак и др., 2020).

Согласно теории «полюсов роста», перекосы в территориальном развитии объективны в результате естественно-исторических причин (Перру, 2007). Роль государства заключается в искусственном создании «точек роста» для решения вопросов социально-экономического развития страны.

При исследовании существующих российских «точек роста» на уровне отдельных макрорегионов, регионов выявлена высокая степень поляризованности пространственного развития страны (Стрябкова, Кочергин, 2019). В связи с этим представляется правомерным предостережение от излишнего распространения практики преференциальных территорий, т. к. увлеченность «точечной» стратегией увеличивает риски разрыва единого пространства страны и может привести к созданию нездоровой предпринимательской среды (Иванов, Бухвальд, 2024).

Многие страны активно используют инструмент преференциальных территорий (их число в последние годы активно растет в Юго-Восточной Азии). Изучается деятельность преференциальных территорий, созданных как в развитых странах: Китай (Fei, 2017), США (Grant, 2020), так и в странах с переходной экономикой: Польша (Jensen, 2018), Казахстан (Zaripova et al., 2018), Индия (Hardaker, 2020), и в странах со структурно слабой экономикой: Эфиопия (Giannecchini & Taylor; 2018); Маврикий (Allam & Jones, 2019), Камбоджи, Мьянма (Thame, 2017), Пакистан (Ahmed et al., 2020), Лаос (Laungaramsri & Sengchanh, 2019) и др.

Наравне с множеством примеров преференциальных территорий, сыгравших ключевую роль в структурных преобразованиях, стимулировании более широкого участия в глобальных цепочках создания стоимости и содействии промышленной модернизации, существуют примеры территорий, которые стали просто дорогостоящими и провальными проектами. Их деятельность вызывает споры и растущий интерес со стороны политиков, инвесторов, гражданского общества и широкой общественности. Например, СЭЗ в Индии не смогли стимулировать развитие

в прилегающих к ним районах. Неэффективность их деятельности вызвана извлечением ренты коррумпированными политиками в сговоре с государственными корпорациями развития (Alkon, 2018).

Зарубежные исследователи предупреждают, что преференциальные территории действуют как анклав и оказывают ограниченное воздействие вне своих пределов. При этом рост экономических показателей успешных преференциальных территорий «как правило, носит временный характер: после периода «разгона» большинство особых зон растут такими же темпами, как и национальная экономика»¹. Зарубежные исследователи, проранжировав показатели 25 польских ОЭЗ, сделали вывод, что главным фактором для привлечения потенциальных иностранных инвесторов является качество инвестиционной среды территории (Dorożuński et al., 2018). По мнению ученых, Китай привлекает прямые иностранные инвестиции в основном благодаря своей надежной инвестиционной среде, а также усилиям центральных и местных органов власти по преодолению ограничений на инвестиции (Zheng, 2013). Очевидно, что более точное понимание взаимосвязи между институтами и объемами привлеченных иностранных инвестиций дает тщательный анализ институциональных механизмов, которые влекут за собой компромисс между доверием и гибкостью управления (Руднев, 2020).

Интересны исследования о применимости зарубежного опыта развития преференциальных территорий в России (Бочарова, 2020). Сравнительный анализ СЭЗ и ОЭЗ Казахстана и России, которые отличаются по ряду параметров, выявил, что для первой страны наибольшую роль для экономического развития играют СЭЗ, а для второй — ОЭЗ (Тургель и др., 2019). Критический сравнительный анализ опыта Китая, Сингапура и ОАЭ по привлечению иностранного капитала через механизм особых территорий и оценка результатов аналогичной деятельности в России позволили подчеркнуть, что нельзя переносить успешный опыт других стран напрямую в условия действующих национальных преференциальных территорий (Smirnov et al., 2018). Разработка механизмов развития преференциальных территорий должна основываться на принципе комплексности результатов и согласованности выбора научно-технологических приоритетов с социально-экономическим потенциалом конкретной территории (Мыслякова, Неклюдова, 2021). Г.А. Борщевский, доказывая умеренное влияние преференциальных режимов на развитие Дальневосточного макрорегиона, отметил неоднозначную эффективность данных институтов развития и смещение вектора преференциальных территорий с инновационно-технологической к рентоориентированной деятельности. Проекты, реализуемые в преференциальных территориях, соответствуют в большей степени лишь сложившейся специализации экономики (Борщевский, 2024). Все эти тенденции указывают на соответствие деятельности преференциальных территорий лишь сложившейся специализации экономики региона, что приводит к структурной разбалансировке и упрощению ее структуры.

При изучении роли преференциальных территорий в пространственном развитии выявлено, что они стали приоритетным направлением государственной политики пространственного развития, но выполняют второстепенные функции в достижении стратегических целей страны (Романова, Галиуллина, 2024). Оценка

¹ Доклад о мировых инвестициях за 2019 год. Особые экономические зоны. UNCTAD/WIR/2019 (Overview). https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_overview_ru.pdf (дата обращения: 07.10.2024).

деятельности действующих преференциальных территорий показала умеренное их влияние на развитие регионов и неоднозначную эффективность данных институтов развития, смещение вектора производств резидентов с инновационно-технологической к рентоориентированной деятельности (производства многих резидентов имеют сырьевую направленность), что недопустимо в условиях стратегического ориентира в развитии страны на достижение технологического суверенитета.

3. Модель «Дерево проблем развития преференциальной территории»

Систематизация теоретических вопросов по формированию преференциальных территорий, выстраивания цепочки «причина — проблема — следствие», определение спектра взаимосвязанных причин и последствий в виде модели «Дерево проблем развития преференциальных территорий» (рис. 1) позволили выявить системоформирующие недостатки действующего подхода к их созданию, что дает возможность в дальнейшем формировать приоритетные задачи и находить эффективные пути их решения.

Предоставляя льготы резидентам, нельзя забывать, что преференциальный режим является одним из многообразных средств решения задач пространственного развития, и его следует «рассматривать, оценивать и выбирать в системе инструментов, во взаимодействии» со всеми институтами развития территории (Швецов, 2016). Критически важно учитывать «отсутствие единой научно обоснованной теоретико-методологической базы, методических и практических разработок в формировании институтов развития и институциональной среды в регионах РФ и интеграционных связей между наукой, бизнесом, образованием и властью» (Котлярова, 2014).

Из-за отсутствия формирования преференциальных территорий в виде системы «произрастает» следующий «иерархический уровень проблем: отсутствие концепции, использование только традиционных методов управления, игнорирование промышленного развития с опорой на открытие производств с технологиями Индустрии 4.0, Индустрии 5.0». Наши исследования показали, что на 01.09.2024 г. из 939 российских действующих преференциальных территорий только 61 (6,5 % от их общего количества) ориентированы на привлечение резидентов с высокотехнологичными производствами (табл. 2).

Территории с преференциальным режимом ведения предпринимательской деятельности могли бы играть роль системообразующего фактора в новой реальности, если бы концепция их создания преследовала такую цель. Фактически с их помощью пытаются оперативно закрыть назревшие проблемы социально-экономического развития на региональном и муниципальном уровнях. В новой реальности, когда мировая и национальная экономические системы, проходя фазовые и структурные изменения, находятся в состоянии турбулентности важно разрабатывать концепции и модели с учетом факторов, вызванных неравновесностью и нелинейностью развития. В качестве нового подхода к развитию преференциальных территорий представляется целесообразным использование институционально-синергетического подхода, учитывающего данные факторы и ориентированного на получение положительного синергетического эффекта.

С позиций данного подхода выделение триггерных точек, конгениальных новой промышленной революции — вот критическое условие успеха преференциальной

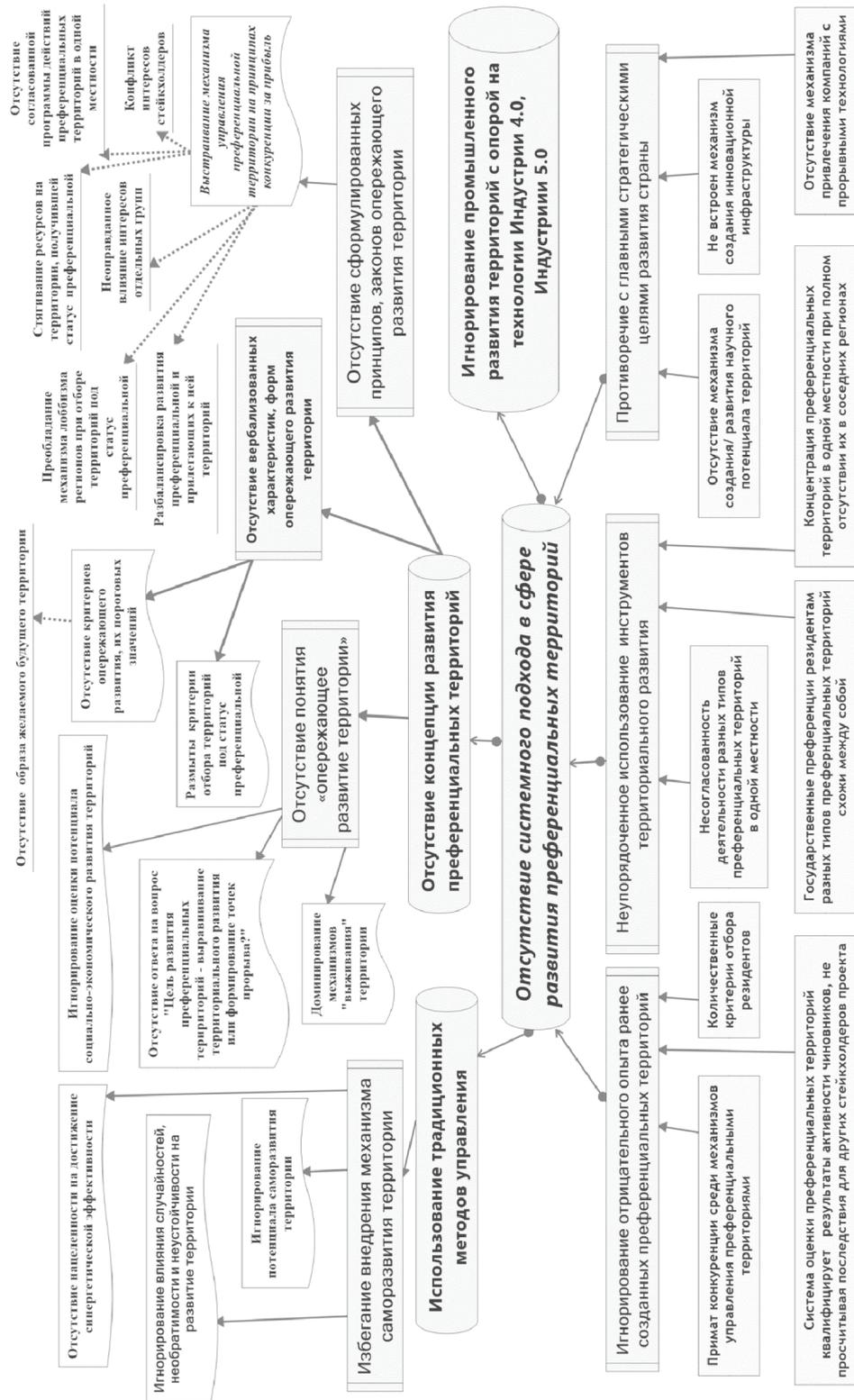


Рис. 1. Дерево проблем развития преференциальной территории (источник: сост. авторами)
Fig. 1. Tree of Problems of the Development of Preferential Territories

Перечень преференциальных режимов и территорий на 01.09.2024 г.

List of Preferential Regimes and Territories as of 01.09.2024

Год начала деятельности	Вид преференциальной территории	Количество ¹		Курирующее министерство
		режимы	территории	
Промышленно-производственные		835	878	—
в том числе				
1990	Свободные экономические зоны	4	9	Министерство экономического развития РФ
2005	Особые экономические зоны (промышленно-производственные, портовые, туристско-рекреационные)	46	46	
2010	Промышленные кластеры	148	172	
2016	ТОР в моногородах	84	84	
2017	ТОР в ЗАТО	8	8	
2018	Специальный административный район на территории о. Октябрьский Калининградской области	1	1	
2015	Свободный порт Владивосток	1	5	Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики
2015	Дальневосточные ТОР и в Арктике	18	18	
2018	Специальный административный район на территории о. Русский Приморского края	1	1	
2022	Арктическая зона РФ	1	10	
2022	Преференциальный режим на Курильских островах	1	1	
2014	Промышленные технопарки	115	116	Министерство промышленности и торговли РФ
2005	Индустриальные (промышленные) парки	407	407	
Инновационно-ориентированные		60	61	—
в том числе				
1999	Наукограды	13	13	Министерство науки и высшего образования РФ
2005	Особые экономические зоны (технико-внедренческие)	7	7	Министерство экономического развития РФ
2012	Инновационно-территориальные кластеры	29	30	
2019	Инновационные научно-технологические центры	11	11	
ВСЕГО		895	939	—

¹ В исследовании используются два понятия — преференциальные режимы и преференциальные территории, т. к. один режим может действовать на территории нескольких регионов. Например, Свободный порт Владивосток действует в 5 регионах — Камчатский, Приморский, Хабаровский кр., Сахалинская обл., Чукотский АО.

Окончание табл. 2 на след. стр.

Окончание табл. 2

Источник: сост. авторами на основе официальных данных. ОЭЗ. Министерство экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osoby_e_ekonomicheskie_zony/ (дата обращения: 09.10.2024); Территории опережающего развития. Министерство экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/ (дата обращения: 09.10.2024); ГИС Индустриальные парки. Технопарки. Кластеры. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. <https://gispr.gov.ru/gisip/#/sections/map/36.494527,55.234452/6/parks:wkeC?lng=ru> (дата обращения: 09.10.2024); Индустриальные парки России — 2023. Отраслевой обзор. <https://indparks.ru/materials/edition/obzor-industrialnykh-parkov-rossii-2023/> (дата обращения: 09.10.2024); Бизнес-навигатор по технопаркам России — 2023: ежегодный бизнес-навигатор. Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. <https://akitrf.ru/news/assotsiatsiya-klasterov-tekhnoparkov-i-oez-rossii-opublikovala-biznes-navigatory-po-tekhnoparkam-i-o/> (дата обращения: 09.10.2024).

территории. Максимальный синергетический эффект в производственных системах возникает только при когерентном взаимодействии и совпадении направлений развития целого и его составных частей. Если составные части системы будут иметь разнонаправленные векторы развития, она может только деградировать. В связи с этим необходимо рассматривать бизнес-проекты потенциальных резидентов через призму наукоемкости используемых технологий. Это позволит ориентировать развития преференциальных территорий на решение проблем достижения технологического суверенитета страны. На таких территориях могут быть созданы опытно-промышленные производства, лабораторно-испытательные центры на коллективных началах, центры стандартизации, сертификации и прототипирования. Здесь становится возможным овладение технологиями форсайт-проектирования, управление проектами с ориентацией на синергетический эффект.

С позиций институционально-синергетического подхода недостатки действующего формата развития преференциальных территорий определяются следующим:

- не используется механизм синергетического взаимодействия и нет ориентации на получение синергетического эффекта;
- нет нацеленности на достижение стратегических целей развития страны;
- подход провоцирует дисбаланс территориального развития из-за жесткой конкуренции региональных и муниципальных органов власти за инвесторов, за возможность получения преференциальных условий и, соответственно, финансовых вливаний из федерального центра;
- не принимается во внимание существующий потенциал развития территорий, получивших статус преференциальной;
- используется в качестве основного подхода в управлении преференциальной территорией конкуренция, при игнорировании механизма синергетического взаимодействия;
- отсутствует понимание опережающего развития территории, с выделением его критериев и принципов;
- несогласованность управляющих воздействий стейкхолдеров снижает эффективность реализации поставленных целей развития территории и использования бюджетных средств.

4. Предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере развития преференциальных территорий

Сам по себе замысел преференциальной территории как института развития вполне приемлем. Однако в конкретных условиях России, когда решаются проблемы повышения экономической безопасности страны, повышения ее технологического суверенитета необходимо с учетом выявленных системных проблем (рис. 1) совершенствовать концепцию создания и функционирования преференциальных территорий с ориентацией на достижение стратегических целей страны. Исходя из этого, предлагается усовершенствовать требования к инвестиционным проектам компаний, открывающих новые производства в статусе резидента преференциальной территории (табл. 3).

В условиях целевой установки на достижение страной технологического суверенитета целесообразно оценивать инвестиционные проекты резидентов по производительности труда, средней стоимости создаваемых рабочих мест производственного персонала. Путем анализа данных показателей можно оценить уровень автоматизации, роботизации производств, которые планируют открыть потенциальные получатели государственных преференций.

Третий предлагаемый показатель «Уровень добавленной стоимости в выпускаемой продукции» позволит оценить уровень технологического передела. Если выбирать между бизнесом, который производит стеклотару (ОКВЭД 26.13), и бизнесом, производящим оптические приборы ночного видения (ОКВЭД 26.70), в условиях сегодняшней реальности государству стратегически важнее предоставлять

Таблица 3

Предложения по корректировке требований к инвестиционным проектам резидентов преференциальных территорий

Table 3

Proposals for Adjusting the Requirements for Investment Projects of Residents of Preferential Territories

Действующее требование	Предложение	Стратегические цели развития страны
Количество новых рабочих мест	Производительность труда производственного персонала	Достижение технологического суверенитета в развитии страны
Сумма капитальных вложений	Средняя стоимость создаваемого рабочего места производственного персонала	
ОКВЭД запрещенных или разрешенных видов деятельности (укрупненная классификация — первые две цифры)	Доля добавленной стоимости в стоимости выпускаемой продукции	
Пониженные страховые взносы в Социальный фонд РФ первые три года с момента получения территорией статуса преференциальной	Пониженные страховые взносы в Социальный фонд РФ для компаний с критическими и сквозными технологиями без ограничений временных сроков	
Нет аналога	Среднемесячная заработная плата производственного персонала, превышающая средний уровень по региону	Повышение качества жизни населения страны

Источник: сост. авторами.

преференции второму бизнесу. Эти требования соответствуют целевым приоритетам утвержденной Концепции технологического развития на период до 2030 года¹, но не учтены в требованиях к резидентству.

В стратегических документах развития страны неоднократно закреплялась и другая стратегическая цель — повышение качества жизни населения. В целях ее достижения предлагаем в требованиях к инвестиционным проектам резидентов добавить такой показатель, как уровень среднемесячной заработной платы в сравнении с уровнем по региону. Повышение заработной платы компенсирует сниженная ставка отчислений в Социальный фонд РФ (Романова, Галиуллина, 2024).

В нормативно-правовых актах в сфере развития преференциальных территорий не учитываются ни различия в социально-экономическом потенциале регионов и муниципалитетов, где действуют преференциальные территории, ни отраслевые особенности производств резидентов. Предлагаем усовершенствовать нормативные требования к инвестиционным проектам резидентов за счет учета данных факторов. Для решения этих задач необходимо создание порталов на сайтах ответственных министерств, мэрии муниципалитетов с фактическими данными по каждому резиденту. Как вариант, можно сформировать государственное задание Федеральной службе государственной статистики по отслеживанию показателей резидентов и формированию статистических показателей по преференциальным территориям. Такие предложения приобретают особую актуальность, учитывая масштабность преференциальных территорий. Можно начать с территорий опережающего развития, созданных в моногородах. Аналогом может служить ежегодный статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям»², где в таблицах 5.1–5.3 показана численность населения по моногородам в разрезе по социально-экономическому положению³.

С позиций институционально-синергетического подхода система оценки эффективности деятельности резидентов преференциальных территорий формируется на основе проактивного мониторинга, который сигнализирует через каналы обратных связей о возможном ущербе до наступления рискованных ситуаций. В этом случае система показателей эффективности будет состоять из двух подсистем:

- индикаторы результативности (отстающие показатели) описывают объективную картину прошлого и настоящего;
- индикаторы деятельности (опережающие показатели) предупредят о будущих событиях (сигналы о рисках и их последствиях).

В подсистему индикаторов деятельности резидентов преференциальных территорий предлагаем включить два индикатора:

¹ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»). Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р (ред. от 21.10.2024). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/ (дата обращения: 09.10.2024).

² Статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям». Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 09.10.2024).

³ Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 1398-р (ред. от 21.01.2020). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/15b6bab7e224fe69c887b675b6d00159ea220455/ (дата обращения: 09.10.2024).

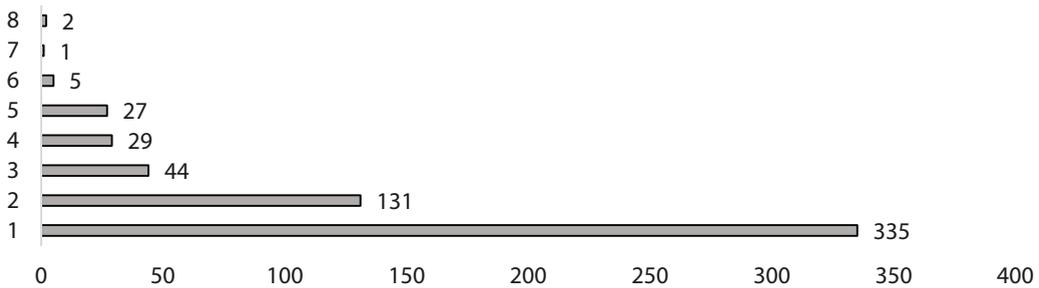


Рис. 2. Количество резидентов ТОР, поменявших условия деятельности (источник: сост. авторами на основе данных реестра резидентов ТОР в моногородах¹)

Fig. 2. Number of TOR (Territory of Advanced Development) Residents who Changed Their Operating Conditions

¹ Реестр резидентов территорий опережающего развития, на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Министерство экономического развития. https://www.economy.gov.ru/material/file/abd31c2bcc2d37403a573c2605e337f6/reestr_29082024.pdf (дата обращения: 09.10.2024).

1) уровень рентабельности производства. Несмотря на льготные условия ведения предпринимательской деятельности, зачастую резиденты по несколько лет ведут бизнес, получая отрицательный финансовый результат, и часть из них потом закрывают предприятия. Очевидно, что повышение терпимости к убыточным фирмам усиливает инерционность экономического развития. Функционирование таких фирм препятствует росту более производительных компаний, отрицательно сказывается на общей динамике отдачи от факторов производства (Дементьев, 2022);

2) фактические отклонения от прогнозного срока ввода мощностей. Нередко резиденты не укладываются в заявленные сроки, не могут в полном объеме выполнить взятые на себя обязательства и вносят соответствующие изменения в Соглашения о ведении деятельности в качестве резидента преференциальной территории. Так, на 01.09.2024 г. в реестре резидентов ТОР в моногородах (первый резидент зарегистрирован в мае 2016 г.) сделаны 1033 записи о заключении дополнительных соглашений (рис. 2).

Изменили ранее взятые на себя обязательства 574 резидента (39,5 % от общего числа зарегистрированных резидентов), из них корректировали условия соглашения два резидента по 8 раз, 1 резидент — 7 раз. В итоге каждая пятая компания, менявшая условия соглашения о резидентстве, вышла из ТОР, часть из них путем ликвидации предприятия.

Предлагаемые предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере развития преференциальных территорий позволят скорректировать их деятельность в соответствии с утвержденными стратегическими целями развития страны.

5. Выводы

На основе изучения трудов отечественных и зарубежных ученых по вопросам создания и функционирования «точек роста» экономики страны в виде преференциальных территорий и выявления ряда системообразующих факторов, влияющих на эффективность данного института развития, структурировано проблемное поле исследования с целью дальнейшей разработки соответствующей методологии.

Обосновано, что преференциальная территория в современных условиях должна быть не просто «точкой роста», а многоцелевым институтом, решающим задачи технологического и пространственного развития страны при одновременном решении проблем повышения качества жизни. С целью достижения этих целей предложены пути совершенствования нормативно-правовой базы в сфере создания и развития преференциальных территорий.

Список источников

Антипин, И. А., Бухвальд, Е. М., Валентик, О. Н., Виленский, А. В., Домнина, И. Н., Иванова, О. Ю., Кольчугина, А. В., Смирнова, О. О., Сорокина, Н. Ю., Одинцова, А. В., Маевская, Л. И. (2023). *Институциональные основы новой стратегии пространственного развития российской экономики*. Москва: Институт экономики РАН, 340.

Борщевский, Г. А. (2024). Влияние преференциальных режимов на развитие макрорегиона Дальнего Востока. *Вопросы экономики*, (2), 103–124. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-2-103-124>

Бочарова, Ю. Н. (2020). Анализ международного опыта и лучшей практики развития территорий промышленного развития, аналогичных территориям опережающего социально-экономического развития. *Самоуправление*, (2(119)), 89–92.

Бухвальд, Е. М., Валентик, О. Н. (2024). Стратегия пространственного развития: этап радикального обновления. *Региональная экономика. Юг России*, 12(1), 4–14.

Дементьев, В. Е. (2022). Технологическое развитие и структурные изменения в экономике. *AlterEconomics*, 19(1), 116–130. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.7>

Иванов, О. Б., Бухвальд, Е. М. (2024). Экономическое пространство как потенциал устойчивого развития. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, (1), 34–52. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-1-34-52>

Коломак, Е. А., Буфетова, А. Н., Вижина, И. А., Глущенко, К. П., Ершов, Ю. С., Есикова, Т. Н., Кин, А. А., Клисторин, В. И., Малов, В. Ю., Мелентьев, Б. В., Мельникова, Л. В., Пляскина, Н. И., Руднева, В. А., Сумская, Т. В., Суспицын, С. А., Тарасова, О. В., Темир-Оол, А. П., Харитонов, В. Н. (2020). *Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты*. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 500.

Котлярова, С. Н. (2014). Формирование и развитие региональных институтов. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, (3(27)), 99–109.

Лаврикова, Ю. Г., Суворова, А. В. (2022). Эволюция подходов к моделированию пространственного развития хозяйства. *Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования. материалы Международной научной конференции (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО)* (С. 425–428).

Леонов, С. Н. (2020). Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 13(3), 28–45. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.3>

Леонтьев, А. И., Новикова, Н. В. (2020). Региональная проекция теории полюса роста: зарубежный и российский опыт. *Теоретическая и прикладная экономика*, (4), 106–117. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2020.4.34019>

Мыслякова, Ю. Г., Неклюдова, Н. П. (2021). Теоретический подход к региональному развитию с учетом социально-экономического генотипа территории. *Журнал экономической теории*, 18(1), 103–115. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.7>

Наумов, И. В., Седельников, В. М., Аверина, Л. М. (2020). Эволюция теорий пространственного развития: принципиальные особенности и современные задачи исследований. *Журнал экономической теории*, 17(2), 383–398. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.12>

- Перру, Ф. (2007). Экономическое пространство: теория и приложения. *Пространственная экономика*, (2), 77–93.
- Романова, О. А., Галиуллина, Г. Ф. (2024). Качество жизни как индикатор эффективности территорий опережающего развития. *Уровень жизни населения регионов России*, (4), 499–514. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_2_499_514
- Романова, О. А., Галиуллина, Г. Ф. (2024). Формирование и оценка потенциала развития преференциальных территорий России. *Экономика региона*, 20(3), 625–641. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-2>
- Руднев, К. В. (2020). Перспективы развития основных механизмов привлечения иностранных инвестиций в экономику России на Дальнем Востоке. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 2(2), 11–15.
- Стрябкова, Е. А., Кочергин, М. А. (2019). Центры роста в поляризованном макрорегиональном пространстве: пример Центрально-Черноземного макрорегиона. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика*, 46(2), 214–227. <http://dx.doi.org/10.18413/2411-3808-2019-46-2-214-227>
- Суворова, А. В. (2019). Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 12(6), 110–128. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.6>
- Тургель, И. Д., Божко, Л. Л., Прачева, Е. В. (2019). Зоны с особыми условиями хозяйственной деятельности как инструмент региональной и кластерной политики (Опыт России и Казахстана). *Научные труды Вольного экономического общества России*, 215(1), 385–400.
- Швецов, А. Н. (2016). «Точки роста» или «черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов госстимулирования экономической динамики территорий). *Российский экономический журнал*, (3), 40–61.
- Ahmed, W., Tan, Q., Solangi, Y. A., Ali, S. (2020). Sustainable and special economic zone selection under fuzzy environment: A case of Pakistan. *Symmetry*, 12(2), 242. <https://doi.org/10.3390/sym12020242>
- Alkon, M. (2018). Do special economic zones induce developmental spillovers? Evidence from India's states. *World Development*, 107, 396–409. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.02.028>
- Allam, Z., Jones, D. S. (2019). Attracting investment by introducing the city as a special economic zone: A perspective from Mauritius. *Urban Research & Practice*, 12(2), 201–207. <http://dx.doi.org/10.1080/17535069.2019.1607017>
- Boudeville, J. R. (1992). *Problems of regional economic planning*. Edinburgh: At the University Press.
- Dorożyński, T., Świerkocki, J., Urbaniak, W. (2018). Determinants of investment attractiveness of Polish special economic zones. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 6(4), 161–180. <http://dx.doi.org/10.15678/EBER.2018.060409>
- Fei, D. (2017). Worlding Developmentalism China's Economic Zones Within and Beyond its Border. *Journal of International Development*, 29(6), 825–850. <https://doi.org/10.1002/jid.3277>
- Giannecchini, P., Taylor, I. (2018). The eastern industrial zone in Ethiopia: Catalyst for development? *Geoforum*, 88, 28–35. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.11.003>
- Grant, M. (2020). Why special economic zones? Using trade policy to discriminate across importers. *American Economic Review*, 110(5), 1540–1571. <https://doi.org/10.1257/aer.20180384>
- Hardaker, S. (2020). Embedded Enclaves? Initial Implications of Development of Special Economic Zones in Myanmar. *The European Journal of Development Research*, 32(2), 404–430. <https://doi.org/10.1057/s41287-020-00271-2>
- Jensen, C. (2018). The employment impact of Poland's special economic zones policy. *Regional Studies*, 52(7), 877–889. <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1360477>
- Lasuen, J. R. (1969). On Growth Poles. *Urban studies*, 6(2), 137–161.
- Laungaramsri, P., Sengchanh, S. (2019). Negotiating post-resettlement livelihoods: the Chinese special economic zone and its impact in northwestern Laos. *Canadian Journal of Development Studies*, 40(4), 482–498. <http://dx.doi.org/10.1080/02255189.2019.1524748>

Nazarczuk, J. M., Umiński, S. (2018). The geography of openness to foreign trade in Poland: The role of special economic zones and foreign-owned entities. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 39(39), 97–111. <https://doi.org/10.2478/bog-2018-0007>

Smirnov, D. A., Strus, K. A., Avanesova, A. A. (2018). Features of the taxation in the territories with the special mode of business and investing activities: Comparative analysis of the Russian and foreign best practices. *International Journal of Engineering & Technology*, 7(3.14), 412–420. <http://dx.doi.org/10.14419/ijet.v7i3.14.17035>

Thame, C. (2017). SEZs and Value Extraction from the Mekong: A case study on the control and exploitation of land and labour in Cambodia and Myanmar's Special Economic Zones. *Bangkok: Focus on the Global South*.

Zaripova, I. R., Valinurovna, I. T., Zhankarakyzy, A., Iskakov, B., Karabulatova, A., Sultanova, L. F. (2018). The multiplicative effect of free economic zones in the context of attracting investment capital. *Espacios*, 39(36), 1.

Zheng, Y. (2013). *Governance and foreign investment in China, India, and Taiwan: Credibility, flexibility, and international business*. University of Michigan Press.

References

Ahmed, W., Tan, Q., Solangi, Y. A., & Ali, S. (2020). Sustainable and special economic zone selection under fuzzy environment: A case of Pakistan. *Symmetry*, 12(2), 242. <https://doi.org/10.3390/sym12020242>

Alkon, M. (2018). Do special economic zones induce developmental spillovers? Evidence from India's states. *World Development*, 107, 396–409. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.02.028>

Allam, Z., & Jones, D. S. (2019). Attracting investment by introducing the city as a special economic zone: A perspective from Mauritius. *Urban Research & Practice*, 12(2), 201–207. <http://dx.doi.org/10.1080/17535069.2019.1607017>

Antipin, I. A., Bukhvald, E. M., Valentik, O. N., Vilensky, A. V., Domnina, I. N., Ivanova, O. Yu., Kolchugina, A. V., Smirnova, O. O., Sorokina, N. Yu., Odintsova, A. V., & Maevskaya, L. I. (2023). *Institutsional'nye osnovy novoy strategii prostranstvennogo razvitiya rossiyskoy ekonomiki [Institutional Foundations of the New Strategy for Spatial Development of the Russian Economy]*. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 340. (In Russ.)

Bocharova, Ju. N. (2020). Analysis of international experience and best practice for the development of territories of industrial development and territories of advanced socio-economic development. *Samoupravlenie [Self-Government]*, 2(2), 89–92. (In Russ.)

Borshchevskiy, G. A. (2024). Influence of preferential regimes on the Russian Far East development. *Voprosy Ekonomiki*, (2), 103–124. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-2-103-124> (In Russ.)

Boudeville, J. R. (1992). *Problems of regional economic planning*. Edinburgh: At the University Press.

Buchwald, E. M., & Valentik, O. N. (2024). Spatial Development Strategy: Stage of Radical Renewal. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii [Regional Economy. South of Russia]*, 12(1), 4–14. (In Russ.)

Dementiev, V. E. (2022). Technological development and structural changes in national economies. *AlterEconomics*, 19(1), 116–130. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.7> (In Russ.)

Dorożyński, T., Świerkocki, J., & Urbaniak, W. (2018). Determinants of investment attractiveness of Polish special economic zones. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 6(4), 161–180. <http://dx.doi.org/10.15678/EBER.2018.060409>

Fei, D. (2017). Worlding Developmentalism China's Economic Zones Within and Beyond its Border. *Journal of International Development*, 29(6), 825–850. <https://doi.org/10.1002/jid.5277>

Gianecchini, P., & Taylor, I. (2018). The eastern industrial zone in Ethiopia: Catalyst for development? *Geoforum*, 88, 28–35. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.11.003>

Grant, M. (2020). Why special economic zones? Using trade policy to discriminate across importers. *American Economic Review*, 110(5), 1540–1571. <https://doi.org/10.1257/aer.20180384>

- Hardaker, S. (2020). Embedded Enclaves? Initial Implications of Development of Special Economic Zones in Myanmar. *The European Journal of Development Research*, 32(2), 404–430. <https://doi.org/10.1057/s41287-020-00271-2>
- Ivanov, O. B., & Bukhvald, E. M. (2024). Economic space as a potential for the sustainable development. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika [ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice]*, (1), 34–52. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-1-34-52> (In Russ.)
- Jensen, C. (2018). The employment impact of Poland's special economic zones policy. *Regional Studies*, 52(7), 877–889. <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1360477>
- Kolomak, E. A., Bufetova, A. N., Vizhina, I. A., Glushchenko, K. P., Ershov, Yu. S., Esikova, T. N., Kin, A. A., Klistorin, V. I., Malov, V. Yu., Melentev, B. V., Melnikova, L. V., Plyaskina, N. I., Rudneva, V. A., Sumskeya, T. V., Suspitsyn, S. A., Tarasova, O. V., Temir-Ool, A. P., & Kharitonova, V. N. (2020). *Prostranstvennoe razvitie sovremennoy Rossii: tendentsii, faktory, mekhanizmy, instituty [Spatial development of contemporary Russia: trends, factors, mechanisms, institutions]*. Novosibirsk: The Institute of Economics and Industrial Engineering within the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 500. (In Russ.)
- Kotlyarova, S. N. (2014). Regional Institutions: Formation and Development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Tomsk State University Journal of Economics]*, (3(27)), 99–109. (In Russ.)
- Lasuen, J. R. (1969). On Growth Poles. *Urban studies*, 6(2), 137–161.
- Laungaramsri, P., & Sengchanh, S. (2019). Negotiating post-resettlement livelihoods: the Chinese special economic zone and its impact in northwestern Laos. *Canadian Journal of Development Studies*, 40(4), 482–498. <http://dx.doi.org/10.1080/02255189.2019.1524748>
- Lavrikova, Yu. G., & Suvorova, A. V. (2022). Evolution of Approaches to Modeling the Spatial Development of the Economy. *Tendentsii prostranstvennogo razvitiya sovremennoy Rossii i priority ego regulirovaniya. materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (XIII Ezhegodnaya nauchnaya Assambleya ARGO) [Trends in the spatial development of modern Russia and priorities of its regulation. Proceedings of the International Scientific Conference (XIII Annual Scientific Assembly of ARGO)]* (pp. 425–428). (In Russ.)
- Leonov, S. N. (2020). Preferential regimes of established local growth points and its impact on the economy of the Far East. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, 13(3), 28–45. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.3> (In Russ.)
- Leontyev, A. I., & Novikova, N. V. (2020). Regional projection of the growth pole theory: Foreign and Russian experience. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika [Theoretical and Applied Economics]*, (4), 106–117. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2020.4.34019> (In Russ.)
- Myslyakova, Yu. G., & Neklyudova, N. P. (2021). The Socio-Economic Genotype of a Region for More Efficient Development. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 18(1), 103–115. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.7> (In Russ.)
- Naumov, I. V., Sedelnikov, V. M., & Averina, L. M. (2020). Evolution of the Spatial Development Theories: Principal Features and Modern Objectives of Research. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 17(2), 383–398. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.12> (In Russ.)
- Nazarczuk, J. M., & Umiński, S. (2018). The geography of openness to foreign trade in Poland: The role of special economic zones and foreign-owned entities. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 39(39), 97–111. <https://doi.org/10.2478/bog-2018-0007>
- Perroux, F. (1950). Economic Space: Theory and Applications. *Quarterly Journal of Economics*, 64, 89–104.
- Romanova, O. A., & Galiullina, G. F. (2024). Formation and Assessment of the Development Potential of Preferential Territories in Russia. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 20(3), 625–641. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-2> (In Russ.)

Romanova, O. A., & Galiullina, G. F. (2024). Quality of life as an indicator of the effectiveness of advanced development territories. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, (4), 499–514. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_2_499_514 (In Russ.)

Rudnev, K. V. (2020). Prospects for the development of the main economic mechanisms for attracting foreign investment in the Russian economy in the Far East. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya [Economics and Management: Problems, Solutions]*, 2 (2), 11–15. (In Russ.)

Shvetsov, A. N. (2016). “Points of Growth” or “Black holes”? (Concerning Application Effectiveness of “Zonal” Tools for Government Boosting of Territories’ Economic Dynamics. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal]*, (3), 40–61. (In Russ.)

Smirnov, D. A., Strus, K. A., & Avanesova, A. A. (2018). Features of the taxation in the territories with the special mode of business and investing activities: Comparative analysis of the Russian and foreign best practices. *International Journal of Engineering & Technology*, 7(3.14), 412–420. <http://dx.doi.org/10.14419/ijet.v7i3.14.17035>

Stryabkova, E. A., & Kochergin M. A. (2019). Growth centres in polarized macro-regional space: An example from Russia’s Central Black Earth macro-region. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika [Belgorod State University Scientific Bulletin. Economics. Information Technologies]*, 46(2), 214–227. <http://dx.doi.org/10.18413/2411-3808-2019-46-2-214-227> (In Russ.)

Suvorova, A. V. (2019). Development of growth poles in the Russian Federation: Direct and reverse effects. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Change: Facts, Trends, Forecast]*, 12(6), 110–128. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.6> (In Russ.)

Thame, C. (2017). SEZs and Value Extraction from the Mekong: A case study on the control and exploitation of land and labour in Cambodia and Myanmar’s Special Economic Zones. *Bangkok: Focus on the Global South*.

Turgel, I. D., Bozhko, L. L., & Pracheva, E. V. (2019). Special Economic Zones as a Tool for Regional and Cluster Policies (Experience of Russia and Kazakhstan). *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific works of the Free Economic Society of Russia]*, 215(1), 385–400. (In Russ.)

Zaripova, I. R., Valinurovna, I. T., Zhankarakyzy, A., Iskakov, B., Karabulatova, A., & Sultanova, L. F. (2018). The multiplicative effect of free economic zones in the context of attracting investment capital. *Espacios*, 39(36), 1.

Zheng, Y. (2013). *Governance and foreign investment in China, India, and Taiwan: Credibility, flexibility, and international business*. University of Michigan Press.

Информация об авторах

Романова Ольга Александровна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН; <https://orcid.org/0000-0002-6647-9961> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: romanova.oa@uiec.ru).

Галиуллина Гылья Фагимовна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН; заведующая кафедрой экономики предприятий и организаций, Набережночелнинский институт Казанского федерального университета; <https://orcid.org/0000-0002-8470-1079> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; Российская Федерация, 423812, г. Набережные Челны, пр. Мира, 68/19; e-mail: gulia-fag@yandex.ru).

About the authors

Olga A. Romanova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-6647-9961> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation).

Gulia F. Galiullina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Economics and Organization of Enterprises, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-8470-1079> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; 68/19, prospekt Mira, Naberezhnye Chelny, 423812, Republic of Tatarstan, Russian Federation).

Дата поступления рукописи: 16.09.2024.

Прошла рецензирование: 23.09.2024.

Принято решение о публикации: 20.11.2024.

Received: 16 Sep 2024.

Reviewed: 23 Sep 2024.

Accepted: 20 Nov 2024.